

Борис ЯКУБОВИЧ

ДВОЙНАЯ ДУЭЛЬ

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина, она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух из уст Эола,
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.

Героиня этих скользящих и легких пушкинских строк 6-летней девочкой в 1805 году оказалась в стенах Петербургского Императорского театрального училища, с тем, чтобы войти в историю, как одна из самых блистательных балерин российской сцены. Училище, в котором 10 лет созрел и наливался живительным соком удивительный талант Авдотьи Истоминой, представляло собой причудливую и пикантную смесь строгого монастыря и роскошного борделя. С одной стороны, воспитатели строго и придирчиво следили за тем, чтобы воспитанники и воспитанницы не общались друг с другом во внеучебное время, с другой — знатные сановники имели свободный доступ в этот «сад Терпсихоры» и беззастенчиво могли срывать понравившиеся им живые цветы. Не избежала, естественно, подобной участи и любимая ученица прославленного хореографа Шарля Дидло — Авдотья Истомина.

Однако среди обычных любителей богемной клубнички нашелся человек, который воспылал к ней нешуточной страстью. Этим романтиком оказался красавец кавалергард Василий Шереметев, неистово (и не без веских оснований) ревновавший Истомину ко всем ее кавалерам. Роман Шереметева и балерины протекал по всем канонам этого жанра: молодые ссорились и мирились, закатывали сцены с битьем посуды и не только, сходились и разъезжались. Желая переплюнуть щедрых и состоятельных ухажеров своей возлюбленной, Шереметев сорил деньгами, влезал в долги, а, когда его финансовое положение сделалось весьма плачевным, на горизонте легкомысленной и ветреной театральной нимфы появ-

вился новый поклонник — сын министра народного просвещения, камер-юнкер, граф Александр Завадовский, пребывавший в большой дружбе со знаменитым поэтом Грибоедовым.

Во всей развернувшейся далее драматической коллизии будущий автор «Горе от ума» сыграл не слишком благовидную роль, хотя, возможно, и не преднамеренно. После одного из спектаклей Грибоедов пригласил Авдотью в гости, на чай, причем, соблюдая всю необходимую конспирацию, дабы о «чаепитии» не пронюхал Шереметев. Приглашение сие было сделано по настоятельной просьбе опытного ловеласа Завадовского, с которым поэт снимал одну квартиру на двоих. Что произошло в тот вечер — история умалчивает, но, когда балерина вернулась домой, ее уже поджидал пылающий ревностью Шереметев. Попытка объяснить свое отсутствие невинным чаепитием возымела обратное воздействие: в неистовстве молодой потомок любимого петровского маршала бросился за советом и помощью к своему ближайшему другу Якубовичу.

Александр Иванович Якубович был сыном богатого роменского уездного предводителя дворянства, за которым в Черниговской и Полтавской губерниях числилось, аж, 1200 душ крепостных. Получив неплохое воспитание, вначале дома, а затем в московском университетском пансионе, он был принят юнкером в лейб-гвардию Уланского полка и участвовал в заграничных походах русской армии, гнавшей французов через всю Европу до самого Парижа. За воинские заслуги 20-летний молодой человек был произведен в корнеты и, несмотря на достаточно молодой возраст, к началу описываемых событий успел снискать скандальную славу бретера, игрока и забияки. Весьма примечательной была и его внешность: высокий, черноволосый, со смуглым, нервным лицом, в глубине которого яростно поблескивали угольки черных же глаз, а над упрямой верхней губой шевелились пышные черные усы. Все движения его были исполнены какой-то диковатой энергии, а изящные, цепкие пальцы находились в постоянном поиске занятия. Впрочем, им почти всегда находилось дело, ибо Якубович обладал весьма бойким пером и очень недурно рисовал.

Нетрудно представить себе, что мог сказать сей пылкий муж, когда его оскорбленный, взбудораженный приятель Шереметев, захлебываясь, описывал картину гнусной измены возлюбленной, уступившей домогатель-

ствам коварного соблазнителя. Разумеется, стреляться и немедленно!

Этим же утром Якубович поспешил на квартиру Завадовского, дабы вручить ему вызов на дуэль. «А разве Истомина Шереметеву жена? Или, может быть, сестра? — иронически поинтересовался Завадовский, — а драться за танцовку я полагаю ниже своего достоинства!» Однако через несколько дней Шереметев, упорно шедший к роковой развязке, все же добился своего. Оказавшись в общей компании со своим недругом, он оскорбил Завадовского, которому на сей раз пришлось принять вызов. Оценив сложившуюся ситуацию, Якубович усмотрел в действиях Грибоедова подстрекательство и даже сводничество, а посему вызвал поэта и дипломата на дуэль. Грибоедов без колебания согласился. Поединок между двумя соискателями амурных ласк коварной примадонны состоялся 12 ноября 1817 года в два часа пополудни. Шереметев был тяжело ранен и через три дня скончался. Ввиду ранения приятеля и необходимости срочно доставить его к врачу (какового, увы, не оказалось на месте дуэли), Якубович предложил Грибоедову отложить их собственный поединок, на что поэт ответил согласием. По ходатайству безутешного родителя погибшего Шереметева, император Александр 1-й ограничился не слишком строгим наказанием дуэлянтов: Завадовского на время услали за границу, а Якубовича отправили на Кавказ, определив его прапорщиком в Нижегородский драгунский полк. Грибоедов, с точки зрения государя, наименее виновный, был прощен и получил дипломатическое назначение в Персию. В Тифлисе, лежавшем на его пути к месту будущей службы, Грибоедов, как было условлено заранее, встретился с Якубовичем, дабы продолжить незавершенную в Петербурге двойную дуэль. Поединок, состоявшийся 23 ноября 1818 года, т.е. через год после трагических событий, прошел неподалеку от небольшого селения Куки под Тифлисом. Условия были весьма жесткие: шесть шагов между барьерами, поединщики стреляются без сюртуков, которые могли бы несколько смягчить воздействие пули. Вспомнив о великолепных достоинствах Грибоедова, снискавших тому, помимо поэтической славы, еще и ореол талантливого пианиста-импровизатора, Якубович усмехнулся: «По крайней мере, теперь перестанешь играть!» Через мгновение прозвучал выстрел. Пуля угодила в мизинец, оставшийся скрюченным на всю жизнь. Стиснув зубы и

прижав к животу окровавленную руку, Грибоедов произвел ответный выстрел. Пуля прошла мимо виска Якубовича, почти чиркнув по черным густым волосам. По условиям, ранее оговоренным дуэлянтами, поединок на этом считался законченным. Отчего-то возникло довольно расхожее мнение, будто Якубович и Грибоедов с той поры навсегда остались врагами. Если бы дело обстояло таким образом, черноволосый забияка-корнет не явился бы провожать своего недавнего противника, после краткого лечения покидавшего Тифлис. Более того, имеются сведения, что он принял участие в прощальной пирушке, которую Грибоедов закатил по случаю отъезда.